

ны арнамент», Менск, 1953). Иллюстрации во многих из таких изданий плохо аннотированы.

Рецензируемый труд выгодно отличается от этих публикаций и может послужить одним из образцов художественных иллюстраций по народному костюму. Кроме зарисовок, в альбоме имеется текстовая часть на трех языках: украинском, русском и английском. Она состоит из статьи И. Ф. Симоненко (стр. 3—7) и аннотаций (стр. 9—15). В статье автор выделяет пять основных типов народной одежды западных областей Украины и выявляет в них общеукраинские, а также общевосточные и вянские черты. Но некоторые положения, высказанные в статье, спорны. В частности не обосновано категорическое утверждение, что наиболее древним типом сорочки, известным всем восточным славянам, является сорочка со сплошным рукавом (испелница).

Статья подчеркивает этнографическое значение рисунков Е. Л. Кульчицкой, а помещенная схематическая карта, наглядно показывающая распространение основных типов народной украинской одежды западных областей Украины, помогает читателю ориентироваться в «географии» зарисовок одежды, сделанных Е. Л. Кульчицкой.

Г. Маслов

Л. И. Якунина. *Якутская резная кость*. Якутск, 1957, 80 стр., 64 илл.

К 325-летию вхождения Якутии в состав Российского государства в г. Якутске издана работа об одном из замечательных видов якутского прикладного искусства XVIII—XIX вв. — художественной резьбе по мамонтовой кости. Автор исследования — старший научный сотрудник Государственного исторического музея Л. И. Якунина — стремился познакомить читателя с художественными особенностями произведений якутских резчиков XVIII—XIX вв. и показать, что в основе творчества народных мастеров лежала повседневная жизнь якутов со всеми ее особенностями. Якутские костерезные изделия представляют поэтому не только большой художественный интерес, они являются в то же время своеобразным источником для изучения быта якутского народа.

В первой главе книги рассказывается о материале для костяных изделий. Ряд источников XVIII—XIX вв. свидетельствует об обилии находимой в Якутии мамонтовой кости, которая шла на костерезные поделки. К XIX в. добывание мамонтовых бивней стало своеобразным промыслом, так как спрос на сырье этого рода был достаточно велик. Помимо мамонтовой кости, резные изделия изготовлялись также из моржовых клычков, так называемых рыбьих зубов, «рыбьей кости». Клычки моржа ценились дороже мамонтовой кости, и в древней Руси это сырье даже являлось собственностью казны. Приведенные в главе выдержки из различных источников свидетельствуют о значительном месте мамонтовой и моржовой кости в торговом обороте якутского рынка, о широком вывозе этого сырья в центр России.

Небольшая по размеру вторая глава знакомит с основными предметами резьбы по кости в Якутии XVIII—XIX вв. В основном это были бытовые предметы, как шкатулки, ларцы, рамки, грени, подчасники и т. п. Изготовление этих резных предметов возникло в Якутии в известной мере в подражание русской костерезной школе. Но изделия якутских мастеров в художественном отношении и по техническим приемам довольно самобытны и имеют свои особенности. Автор показывает отличительные черты якутских костерезных изделий этого времени от произведений подобного рода, сделанных руками русских мастеров в других костерезных центрах нашей страны. Якутские ларцы и шкатулки состоят из цельных костяных пластинок размером до 30—40 см, составляющих стенки, крышку, часто и дно изготовленного предмета. Причем спростая уломянутые изделия без деревянной основы, тогда как русские костяные изделия состоят из деревянной основы с прикрепленными на нее костяными пластинками, размер которых в большинстве своем ограничен 8—10 см. Резьба на якутских изделиях, как правило, размещалась на всех четырех сторонах тулова с за исключением всего пространства костяных пластинок.

Важнейшая особенность художественного приема якутских костерезов XVIII—XIX вв. — обязательное, за редкими исключениями, наличие в костерезных изделиях прорезного, решетчатого (сквозного с косой сеткой) фона. При этом сюжетный рисунок резьбы не выступает рельефно, а образует с фоном единую, ровную поверхность.

Наиболее интересна для исследователей-этнографов третья глава книги «Тематика костяных изображений». Якутские костерезные изделия отличаются не только художественным мастерством исполнения, но и необыкновенно точной, детальной передачей разнообразных сцен и явлений из жизни якутов. Так, по резным изображениям можно проследить различные типы жилищ, бытовавших в Якутии в разное время года. Мастера-резчики довольно часто изображают как летние (ураса), так и зимние (юрта) постройки якутов.

Большое значение в жизни якутов имело коневодство. Поэтому наиболее распространенной тематикой в костерезных изделиях является изображения коня и связанных с ним событий. Конские головы, лошади у коновязей (сэргэ), транспортировка

грузов, езда верхом, приготовление и потребление кумыса — далеко не полный перечень связанных с коневодством изображений. Особый интерес представляет передача в резьбе по кости эпизодов охоты — одного из важных промыслов в жизни якутов.

Ряд изображений связан с обычаями и обрядами. Особенно часты сцены, относящиеся к весеннему празднеству «ысыах»: танцы, борьба, ритуал потребления кумыса и т. п. В резьбе находят также отражение шаманское камлание, встречается изображение ритуальных одежд и утвари. Причем совершенно отчетливо, иногда со всеми мельчайшими деталями, передаются различные сосуды, необходимые для приготовления, хранения и потребления кумыса: чороны, холлогосы, кытыйи, семиры и др.

Нередко в небольших по размеру изображениях различаются покрой одежды и обуви, их составные части, отдельные украшения, элементы орнамента. Некоторые изображения позволяют судить о торговых и культурных связях якутов того времени с русским, китайским и другими народами.

Достоинством книги является привлечение ее автором к исследованию материалов из письменных источников и использование устных сведений и сказаний народного эпоса. Эти данные помогают еще больше утвердить правдивость и жизненность изображений в якутской резьбе по кости XVIII—XIX вв.

Последняя глава книги посвящена особенностям орнамента в якутских костерезных изделиях, его назначению и роли в общих художественных композициях. Примечательной особенностью якутского костерезного искусства автор считает мастерское соединение художественно-декоративных приемов с передачей сцен из окружающей действительности, умение подчинить реалистические детали общему декоративному замыслу.

В работе вкратце говорится о пути якутского костерезного искусства после Великой Октябрьской социалистической революции, когда перед мастерами-костерезами открылись широкие возможности для развития их творчества.

В заключение автор обращает внимание читателя на то, что «...сцены из трудовой и бытовой жизни народа, запечатленные самим народом, являются наиболее достоверным источником по изучению жизни якутов». Таким образом, изображения на якутских костерезных изделиях представляют собой ценные дополнения к иллюстративным источникам по якутской действительности XVIII—XIX вв.

Примечания к основному тексту книги являются существенным дополнением к исследуемому вопросу. Альбом из 64 иллюстраций с подробными аннотациями и описаниями помещенных в альбоме костерезных изделий, а также список использованной литературы дополняют научное и познавательное значение книги Л. И. Якуниной.

Существенный недостаток книги — некоторая небрежность в ее издании. Так, например, ряд ссылок на иллюстрации и некоторые аннотации не корреспондируют с изображениями. Лучшего оставляет желать качество иллюстраций. Вызывает недоумение предельно незначительный тираж издания (500 экз.). При таком тираже книга не только не дойдет до массового читателя, но и не попадет в те музеи, научно-исследовательские учреждения, художественные организации, где она необходима. Напрашивается вопрос о ее переиздании.

Б. Н. Вампилов, А. Ф. Червяков

Э. Т. Карапетян. *Армянская семейная община*. Ереван, 1958. 142 стр.

Изучение семейной общины у народов Кавказа ведется с 80-х гг. XIX в. Большая семья у осетин, карачаевцев, чеченцев, грузин, армян и ряда других народов Кавказа довольно подробно описана в работах М. М. Ковалевского, Н. Харузина, Б. Миллера, Н. Л. Абазадзе, Е. Лалаяна и др. Особенно велика в этом деле заслуга крупнейшего дореволюционного русского исследователя-кавказоведа М. М. Ковалевского, который первый открыл существование этой формы семьи на Кавказе. Труды М. М. Ковалевского были положительно отмечены Ф. Энгельсом. Тем не менее в теоретическом отношении семейная община оставалась долгое время недостаточно изученной, поскольку отсутствовал исторический подход к ее исследованию и она рассматривалась как некая статическая организация, остававшаяся неизменной на всем протяжении своего существования. Точка зрения на большую семью как на явление исторического порядка, обладающее «собственной внутренней историей», изучение которой является основным средством к ее познанию», впервые была высказана советским этнографом М. О. Косвеню. В работах этого ученого содержится общая характеристика семейной общины на различных этапах исторического развития и выделяются два основных ее типа: демократический и отцовский, или деспотический¹. Первый из этих типов свойственен ранним ступеням развития семейной общины, второй — более позднему времени. На последнем этапе своего существования, в условиях классового общества

¹ М. О. Косвеню, Семейная община (Опыт исторической характеристики), «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 31.